

Е.А. Найман

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕОЛОГИИ (ПРОЛЕГОМНЫ К НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ ЯЗЫКА)

Предметом данной статьи является критика модернистской языковой идеологии, которая приводит к новой концепции социальной онтологии языка. Центральная тема – переосмысление понимания языков как автономных сущностей и замкнутых систем. Авторская методология опирается на теорию онтологического конструктивизма и метадискурсивный подход к описанию языков как идеологических конструктов, основанных на националистических идеологиях XVIII–XIX столетий.

Ключевые слова: язык, языки, языковые ресурсы, языковая идеология, национальное строительство, интеграционизм, сегрегационизм.

Введение

Данная статья посвящена современной тенденции переосмысления социальной онтологии языков как автономных сущностей и замкнутых систем. Несмотря на то, что постулат о существовании языков является значимой частью теоретического лингвистического аппарата, социолингвистика все чаще считает «языки» продуктами политических и социокультурных идеологий. Как отмечает П. Бурдьё, «язык сам по себе является социальным артефактом, придуманным ценой решительного пренебрежения различиями» [1. Р. 287]. Кроме того, философское понимание языка как «вещи в себе», обособленной и ограниченной ресурсной системы, постепенно разрушается под воздействием языковых практик современной коммуникации.

В последнее время лингвистика денатурализирует идею отдельных языков как замкнутых систем с упорядоченной грамматикой, звуками и словарем. Проблематизируя структурное понимание «языков», лингвисты пытаются перейти на новый уровень анализа, полагая, что осмысление языка не может опираться на сугубо лингвистические критерии, при которых «языки» существуют в виде абстрактных конструктов, неизменной совокупности языковых форм, изолированных от реальной социальной практики.

Несмотря на то, что критика идеи автономных языков в лингвистике не нова, последние научные дискуссии напрямую связывают индивидуальность языков с языковой нормативностью и националистической идеологией. Современная социолингвистика рассматривает не только понятия «языка» и «языков», но и «диалектов», «социолектов», «вариантов» и «регистров» как измышлений социальных, культурных и политических направлений европейской мысли, распространенных по всему миру и положивших начало лингвистическому мышлению. Переворот, намечаемый в социальной онтологии языка, нацелен изменить восприятие языков как реальных сущностей, связанных с географией современного мира.

Проблема данного исследования может быть выражена в форме следующих вопросов. Каким образом возникает в западноевропейском культурном

пространстве идея «языков» как дискретных сущностей? Как представление о языковом разнообразии связано с теоретическим определением «языка» в различных политических, философских и лингвистических теориях? Какие идеи, лежащие в основе изобретения понятий «языка» и «языков», могут быть подвергнуты критике и переосмыслению?

Методология

Прежде всего необходимо сделать важные методологические замечания. Анализируя проблему языковой дифференциации, выделим три позиции. Первая из них – радикальный реализм, или фундаментализм, признающий объективный статус языка, независимый от человеческой деятельности.

Вторая – *социально-конструктивистская*, настаивающая на том, что «языки» – не онтологические сущности, а политические конструкты. Напомним, что с позиции конструктивизма язык – это множество ресурсов, распространенных в социальных сетях и дискурсивных пространствах, значение и ценность которых обусловлена социальными процессами и их историческими контекстами. Уже довольно давно лингвисты отказываются признавать строгие научные законы определения языкового статуса. Такие решения считаются политическими, т.е. случайными и условными, а языки рассматриваются как продукты человеческого воображения. Кстати, деконструкция идеи отдельных «языков» в лингвистической науке во многом стала следствием критического анализа «наций» в социальных науках (Б. Андерсон, Э. Саид и др.).

Третья позиция, которую можно назвать *онтологическим конструктивизмом*, связана с еще более радикальной эпистемологией, запрещающей видеть за понятием «языка» вообще какой-либо реальный объект. Ее сторонники считают социальным конструктом не только понятие «языков», но и само понятие «языка» как детища греко-латинского Запада. Утверждается, что придумывались не только языки, но и связанные с ними территории, которые тем не менее имеют вполне «реальный» статус для их населения. Несмотря на то, что язык – не биологический и трансисторический факт, а целостный дискурсивный конструкт, люди верят в его онтологическую сущность, и эта вера им совершенно необходима.

Для конструктивистской парадигмы важнейшим становится *метадискурсивный подход*, которого придерживается и автор данного исследования. Его суть состоит в следующем: несмотря на то, что все представители человеческого рода имеют язык, его способы осмысления создаются с помощью идеологических линз, зависящих от особых метадискурсивных режимов, выраженных в особых культурных и исторических контекстах. Чтобы понять зарождение и развитие этих режимов, следует обратиться к истории языковых идеологий. Изучение последних как совокупности утверждений по поводу языков имеет особую ценность.

Языковые идеологии удобнее всего рассматривать в контексте двух конфликтующих парадигм: *сегрегационизма* (П. Мюльхёслер) и *интеграционизма* (Р. Хэррис). Сегрегационизм настаивает на внутренней систематичности языков, их независимости от речевой деятельности. В его русле обсуждаются в настоящее время все наиболее значимые проблемы многоязычия, двуязычного образования, кодовых переключений, языковых прав и т.д. Для интеграционизма же наиболее важна повседневная языковая коммуникация. Мы

придерживаемся интеграционизма, понимающего язык как неотъемлемое свойство социального взаимодействия, а не априорную систему, связанную с территорией, этносом и нацией. Языки – продукты социальных акторов, лишенные онтологического статуса вне порождающих их социальных, политических и культурных процессов.

Задачей статьи является критика основных положений сегрегационизма: во-первых, представления о языках как о природных организмах; во-вторых, идеи тождества языков, наций, культур и территорий; в-третьих, процесса именованья и подсчета языков. Мы попытаемся доказать, что понятие «язык», а также метадискурсивные режимы его описания тесно связаны с традиционными западными лингвистическими, политическими и культурными особенностями.

Возникновение понятий «язык» и «языки»: метадискурсивный опыт описания

В последнее время большинство исследователей считают понятие «язык» европейским изобретением, связанным с образованием национальных государств и эпохой Просвещения. Как отмечает Сьюзан Гал, «речь является универсальной характеристикой наших видов, но „язык“, как он впервые использовался и продолжает до сих пор использоваться в Европе и во всем мире, не эквивалентен речевой способности, предполагая особую совокупность характеристик» [2. Р. 968]. Понятие «отдельных языков» подразумевает закрытый пакет языковых средств (слов, грамматических правил, фонетических единиц), исключающий средства других языков. Получившие названия языки считаются однородными, а границы между ними устанавливаются на основе утраты ими внутренней взаимопонятности.

Огромную роль в создании идеи «языков» сыграла Французская революция с двумя основополагающими концепциями «нации». Первая была связана с Просвещением, отвергнувшим легитимность церкви и монархии, основанных на иррациональности религиозной веры. В лице Декарта, Локка и Лейбница идея разума взамен божественного права привела к критике церковной власти, открыв политическую дорогу буржуазии. Вторая концепция связана с романтизмом в литературе и искусстве, провозгласившем Природу источником всех смыслов и авторитетов. Обе идеи создали возможность различных интерпретаций нации, языка и культуры.

Как полагают Р. Бауман и Ч. Бриггс, именно Дж. Локк впервые превратил язык в ключевое понятие современности, отделив его от общества, очистив от связей с социальными позициями и интересами, а также от природы, понимание которой было дискредитировано мистицизмом, магией и алхимией. Исследователи считают Джона Локка родоначальником идеи языка как сущности, легко извлекаемой из всего остального социального мира: «...отделяя язык от природы / науки и общества / политики, Локк выдвинул в центр своего видения современной лингвистики практики очищения языка от каких-либо явных связей с обществом и природой» [3. Р. 299–300]. «Язык», таким образом, начал пониматься как автономная система и независимая сущность.

Кроме того, ясностью своей формы язык должен был противостоять витиеватой риторике аристократического сословия. Абстрактный язык, олице-

творя универсальную логику, наиболее явно выражал суть либеральной идеологии. Людьюми должны управлять общие логические правила, а не таинственный авторитет, полученный от рождения. Эти правила, укорененные в природе, необходимо определить посредством рационального мышления при помощи процедуры кодификации. Языковая стандартизация, отливая громоздкую материю в ясную форму, как раз и нацелена на экспликацию этих правил.

В XVIII в. возникла и широко обсуждалась идея французского языка как языка разума (языка Просвещения *par excellence*), обладающего наиболее «ясной» формой. За счет исключительной простоты, точности и референциальной адекватности французский язык должен был гарантировать рациональный дискурс в пределах гражданского общества, что связано с буржуазно-либеральной концепцией нового коммуникативного процесса, в котором общественно значимые проблемы свободные граждане обсуждают на базе разумных аргументов, а не на основе их социальных статусов.

Стоит напомнить, что либеральная демократия основывается на идее рынка, выгодного всем гражданам общества. Способность к рациональному мышлению объявляется важнейшей для «гражданина», что ставит буржуазного субъекта в наиболее выигрышное положение перед аристократией и церковью. Административная функция становится неотъемлемой частью централизованного государства, выступая причиной неизбежного роста бюрократии. Период развития национализма связан с возрастанием роли государственной бюрократии, военных организаций и колониальных администраций. Главная же заповедь бюрократической деятельности – стандартизация механизмов управления и образа управляемых граждан. И именно язык играет ключевую роль в этом процессе, превращаясь в главную ценность буржуазного капитализма, поскольку выступает первым и важнейшим средством легитимизации власти буржуазии в противовес божественной и аристократической власти. Стандартизация языковых форм оказывается неотъемлемой частью строительства общего пространства, в котором чтение и письмо на местных языках открывают дорогу в политическую и экономическую деятельность владеющим этими навыками. В XVIII в. полагали, что языки способны решить многие политические вопросы, действуя в интересах наций против династий и договоров.

Вторая идея, связанная с немецким романтизмом, квалифицирует нацию как естественную, природную и органическую сущность. Парадигма восприятия языка XIX в. заключалась в следующем: язык не подвластен человеческой воле, а языковое различие есть «естественное» следствие духовного или даже биологического многообразия речевых сообществ. Поскольку языки – природные организмы, не управляемые субъективными намерениями, то Август Шлейхер, например, объявлял науку о языке естественной наукой. А это значит, что ее следует отделить от повседневной речи и социальной жизни людей, ибо языковое разнообразие не относится к числу продуктов социальной деятельности. Именно XIX в. ознаменовал поворот к изучению языка как автономной органической сущности, что повлекло за собой появление теорий языкового древа, языковых семей, органических различий языковых типов и т.д.

Идея «гражданина» была тесно сопряжена с органическим пониманием нации. Подчеркивалось близкое родство культуры и языка, а также счита-

лось, что язык – наилучшее средство изучения культуры сообщества. Расы, языки и культуры параллельны друг другу. Для большинства лингвистов прошлого века различие языков индексировало различия этнических групп и наций. Как отмечал Д. Кэмерон, эту позицию очерчивал тезис о существовании «естественной связи между сообществом и материнским языком, выражавшей уникальность его культуры и мировоззрения» [4. Р. 280]. Данная этнолингвистическая установка («расовый сентиметализм») активно критиковалась уже Э. Сепиром, отмечавшим, что «совершенно неродственные языки обслуживают одну и ту же культуру, а близкородственные языки, иногда один и тот же язык, относятся к различным культурным сферам» [5. С. 190]. А К. Хаттон полагает, что «наука о расах ведет свое происхождение от языковых исследований» [6. Р. 3]. По его мнению, источником многих понятий современной лингвистики (таких как «носитель языка» или «речевое сообщество») является «националистический органицизм», который, будучи частью европейского национализма, достиг своего полного расцвета в нацистской Германии.

Язык должен показать ясные и наглядные характеристики подлинности. Взаимосвязь чистоты языка и его аутентичности стала следствием романтической озабоченности местными культурами, носящей буколический характер. Для возникающих национальных государств местные традиции усиливали чувство культурной укорененности. Возникшая диалектология вооружала локальные культуры научными данными, а лингвистический структурализм обеспечивал методологией изучение их языков. Структурно-дескриптивная грамматика и словарь стали основным предметом языковых исследований, в которых современные языки обретали официальное признание.

Политическая значимость отождествления языка и нации была огромной. Если рассматривать языки как естественные и органические сущности, то их существование не зависит от их открытия и изучения. Языки признавались естественными сущностями как следствие многообразия человеческой природы, а не продуктов самосознательной деятельности. Если же языки априорны человеческой политической активности, то вполне могут служить надежным основанием идентификации населения и территорий как политических образований (либо самостоятельных национальных государств, либо единиц для колониальной администрации). Именно априорность языков любым формам политической деятельности служила оправданием для политических актов образования национальных государств.

Постоянные и однородные социальные группы заслуживают государства, территории и политической автономии. Если ваш язык можно назвать «моим» языковым вариантом, то я могу претендовать на вашу территорию как часть моего государства. К примеру, отсутствие «отчетливости» языка заставляет сомневаться в легитимности национального государства. Политическая «недоразвитость» Украины в представлении русских националистов обусловлена тем, что на Западе украинский язык близок польскому, а на Востоке – неотделим от русского. Отсутствие «ясного» языка становится показателем культурной ущербности.

Идеал национального государства – одноязычие, поскольку такое состояние для этнических групп выглядит «естественным». В этом случае изучение языка – удобное средство опознания этнических групп, классификации

межличностных взаимоотношений и реконструкции истории народа. Зачастую группа, язык которой отличен от других, считается «реальной» этнической группой. Многоязычные сообщества носят проблемный характер, поскольку требуют организационных государственных форм, обращенных против «естественного» объединения людей. Многоязычие становится препятствием на пути построения национального государства. Логика рассуждения очевидна: языки – маркеры единственной этничности, вызывающие у человека сильные эмоции. У одноязычных индивидов – лишь одна этноязыковая идентичность, и даже если «чистота» их этничности вызывает сомнения, материнский язык вполне способен их развеять.

Как отмечал Дж. Фишман, уже Платон видел в этничности угрозу государственной целостности, а поздние идеологи западной демократии (Дж. Милль, например) считали многонациональное государство разрушителем гражданского общества, вызывающим разгул страстей и дикости. Мудрое, политически и экономически стабильное государство создает для себя и легитимную «национальность». Подобная этнолингвистическая установка лежала в основе модернистской языковой идеологии, отвергающей какую-либо «гибридность», вносящую хаос в состояние языка. Именно поэтому З. Бауман считал идею порядка ключом к пониманию модерна. Бельгийский социоллингвист Ян Бломмарт выделяет три оси идеологии языковой нормативности: «1) *Ось порядка против беспорядка* в языковом употреблении, зачастую ведущая к модернистской языковой политике, где языки были иерархично упорядочены относительно друг друга; 2) *чистого против нечистого*, где суждения о „качестве“ языка основывались на модернистских (т.е. структуралистских) оценках чистоты языковой формы, спроецированной на чистоту его носителей (если вы говорите на „чистом“ языке X, то вы „настоящий“ представитель культуры Y); 3) *ось нормального и ненормального*, где идентичность суждений зависит от противопоставления суждений с нормальным и ненормальным языковым употреблением» [7. Р. 6].

С XVIII столетия важнейшей технологией создания единого национального государства и формой языкового контроля выступала перепись населения. Ее статистика служила ключевым источником самопознания государства, предоставляя пищу для размышлений относительно его политической и экономической деятельности. Что необходимо знать государству о своем населении – вопрос дискуссионный, но язык сразу стал ключевым маркером национальной принадлежности. Возникает идея прочной связи языка, национальности и гражданского статуса, при которой каждый индивид в пределах органического тела нации обязан иметь единственные культуру и язык. Затем в переписях начали конкретизировать «материнский язык», ограничивающий гражданина государства сферой первичной семейной социализации, а женщину и дом признавать оплотом нации и эмблемами ее языка.

Основной режим языкового контроля национального государства – языковая стандартизация, позволяющая формировать нацию. Языковые формы считаются языками, обладая письмом, литературной традицией и нормами правильности. Отсутствие каких-либо из перечисленных факторов не позволяет говорить о развитости, современности и цивилизованности языка. Как отмечает Дж. Милрой, «стандартные языки – идеализации, зафиксированные и собранные в единое целое», а «в реальности никто на них не говорит» [8.

Р. 27]. В их онтологическом статусе никто не сомневается, поскольку стандартные языки – объективные сущности, описанные многочисленными правилами. Однако стандартный язык создается метадискурсом, т.е. множеством утверждений относительно гипотетических объектов, которые необходимо закрепить в словарях и грамматиках. Поэтому дискуссии о стандартных языках – это всегда споры об их идеологиях.

Стандартизация не только отвечает на вопрос о том, какой языковой материал необходимо приписать тому или иному языку, но и занята проблемой: какую форму должен принять этот материал и по какой причине? Наиболее важной частью стандартизации является *синтаксис*. Уже В. Гумбольдт доказывал, что логичность языка возрастает в зависимости от степени явной выраженности в нем грамматических отношений за счет добавления морфологического материала, обозначающего лицо, число, позицию по отношению к говорящему и лексические связи (склонение и спряжение). Словари также выполняли задачи стандартизации, раскрывая историю происхождения слов. Историческая лингвистика выявляла «чистые» языковые формы, а литературный канон (образцовый перечень литературных произведений для данной нации) поддерживал и развивал языковую непрерывность со стороны художественной традиции. Возникающий в результате стандартизации национальный язык служит доказательством гражданства или потенциального гражданства, поскольку гражданами государства признаются владеющие им субъекты.

Исходя из этого, очевидна взаимосвязь понятий «разум», «прогресс», «рациональность» и «языки». Идея рациональности, провозглашенная во Франции, создала бинарную оппозицию между революцией разума, истины, ясности и древним режимом избыточности и декадентства, выраженным в одежде, декоре, еде и дискурсе. М. Хеллер полагает, что источник этой оппозиции – гендерная идеология нации. Развращенность прежнего политического уклада была сопряжена с неразборчивым отношением аристократии к браку как экономическому союзу. Подобные союзы позволяли женщинам использовать свою скрытую власть за спиной патрона (в этом отношении любовницы королей наиболее показательны). В связи с этим аристократия адаптировала феминизированные культурные практики, такие как длинное письмо, склонность к сентиментам, украшениям в текстах. Революция, наоборот, встала на сторону ясного и чистого «мужского» языка.

Бауман и Бриггс доказывали, что такая гендерная позиция укрепила неравенство граждан государства, при котором представители европейской буржуазии мужского пола получили наибольшую власть. Это объясняется противопоставлением разума и эмоций, согласно которому женщина выглядела недостаточно «рациональной» для разумного либерального общества. Она может быть лишь слушателем мужской речи. В этой же дихотомии – причина лишения женщин избирательного права. С другой стороны, женщина олицетворяет романтическую идею нации, воспроизводя ее органическую и природную сущность. Роль женщин в период детской социализации на этапе превращения ребенка в гражданина общества – важнейшая, а дом – место обитания романтической души нации. Кроме того, женщина – защитник национальных традиций. Например, в Японии в XX столетии мужчины-интеллектуалы создали особый «женский язык», призванный помочь воспитать из школьниц «хороших» жен и матерей.

Понимание человеческого языка, предполагающее разные «языки», связано с представлением о нем как о совокупности дискретных, названных и подсчитанных явлений. Это отражено в самой терминологии описания носителей языка: «билингв», «одноязычный», «полиязычный». В ней уже прочитывается возможность подсчитывать языки: один, два, три и т.д. Считается, что язык выступает базовой технологией для именованного мирового пространства.

Основой такого количественного подхода к языкам стала европейская колониальная идеология. Прослеживается явная взаимосвязь колониальных проектов и европейских языковых исследований. Лингвистическая наука стремилась упорядочить этнический хаос Африки, Полинезии и Америки на основе твердых модернистских принципов. Первый принцип «олигоязычия» требовал свести многоязычные общества к определенному числу языков, используемых на их территории, а второй – «эффективности и лояльности» – предписывал иерархизацию языков в различных сферах общества. Как отмечает Дж. Эррингтон, описание языков «было тесно связано с масштабным колониальным акцентированием человеческих иерархий», а это значит, что «интеллектуальная работа [лингвистов]... в целом не отличалась от „идеологического“ измышления образов народов в зонах колониального контакта» [9. Р. 5]. Роль лингвистов сводилась к открытию языков, которые затем приписывались единственной этнической или социальной группе. Таким образом, языковое различие играло огромную роль при создании человеческих иерархий, а описание языков неотделимо от колониальных императивов контроля, подчинения и порядка. Именно поэтому такое описание выглядело скорее как колониальный план классификации подчиненных народов, нежели научный проект разделения языкового спектра.

Важно отметить, что названия языков, придуманных европейцами, были не просто новыми для уже существующих объектов, а нарекали совершенно новые объекты. Акт именованного преформативно утверждал новые языки. Например, почти все языки в Индии были придуманы европейцами. Названия ассамского языка или бенгали основаны на словах английского происхождения. Ориенталистский проект именованного языков, как полагает американский психолог-когнитивист Дэвид Людден, «начался с выбора необходимых языков для получения достоверной информации об Индии. Индийские языки стали фундаментом научного изучения индийской традиции, основанного на данных, полученных европейцами от местных носителей-экспертов» [10. Р. 261].

Основой таких проектов была идеология подсчета дискретных языков, имеющих территориальное распространение. Предполагается, что языки и их носители легко поддаются точному пересчету. При этом давно замечено серьезное несоответствие между количеством языков, в существование которых верят лингвисты, и числом языков, о котором сообщают носители. Этнологи упоминают о 7 000 языках, признанных лингвистами в качестве дискретных сущностей в мировом списке, и 40 000 названий используемых языков. При этом они полагают, что «определение языка выбирается в зависимости от цели идентификации языков» [11]. «Язык» концептуализируется настолько по-разному, что эти способы слабо согласуются друг с другом.

Идеология переписи населения, основанная на подсчете языков, скрывала серьезные различия в способах их концептуализации. Как отмечает индийский лингвист Деби Паттанайак, несмотря на то, что с 1881 г. в Индии языко-

вой вопрос при переписи опирался на материнские языки, их концептуализация сильно различалась. Основатель и директор Института индийских языков демонстрирует это следующим образом:

1881 – язык, на котором ребенок говорит с колыбели;

1891 – язык родителей;

1901 – общеупотребительный язык;

1921 – язык родителей;

1961 – язык матери. В случае смерти матери пишут название языка, используемого в семье [12. Р. 40].

При переписи населения в Словении в разное время материнский язык понимался как:

1923 – язык мысли;

1934 – язык культурного цикла;

1951 – повседневный язык;

1961 – семейный язык.

При изучении Папуа Новой Гвинеи С. Ромейн (1994) сталкивалась с ситуацией, когда люди утверждали, что говорят на разных языках, которые для лингвистов были совершенно идентичны. Исследовательница отмечает, что, «вероятно, любые понятия дискретных языков – европейские культурные артефакты, причины которых – грамотность и стандартизация» [13. Р. 12]. В большинстве регионов Африки легко обнаружить явное несоответствие между «научными» и бытовыми названиями языков. Например, П. Джите упоминает два языка на западе Африки: *gere* и *wobe*, которые, «исходя из языковых свойств, лингвисты считают разными, а носители – одним и тем же языком» [14. Р. 6].

Как отмечает Петер Мюльхёслер, «понятие «языка» в большинстве традиционных сообществ было малозначимым» [15. Р. 358]. К примеру, специалист по языковой ситуации в Индонезии социолог Ариэль Херианто полагает, что именно европейцы привнесли в данное сообщество идею «языка», далекую от ее понимания местным населением, поскольку «по крайней мере в двух широко распространенных и влиятельных устных языках Индонезии – малайском и яванском – не было слова для „языка“. Однако еще важнее было отсутствие самой потребности выразить эту идею вплоть до конца XIX столетия» [16. Р. 43].

Уильям Самарин вообще рассматривает Африку как «континент без языков». Конечно, это не означает, что африканцы и индонезийцы лишены общения; они просто никогда не говорят о «языках». Как отмечает профессор университета Торонто, «в социокультурном смысле языков не было. В наших познаниях Африки довольно мало свидетельств об этнолингвистическом самосознании. Можно сказать, что вплоть до эпохи грамотности языков не существовало» [17. Р. 390]. На африканском континенте первое поколение лингвистов после дискретизации языков «потратило немало сил на составление письменных грамматик для ими же придуманных языков, чтобы гарантировать их социальную и интеллектуальную легитимность» [18. Р. 91].

Перед европейскими миссионерами стояло довольно много вопросов: Как стандартизировать местные языки в целях упрощения письма и обучения? Насколько местные языки могут представлять христианское вероучение? Наиболее высоко оценивался язык, способный донести всю суть

библейского текста, на котором при этом говорила большая часть населения. Именно такие языки получали название, снабжались словарями и грамматиками, а затем широко распространялись. Но зачастую язык выбирался не по причине использования местными жителями, а исходя из близости к миссии.

Появление целого ряда африканских языков (африкаанс, шона, тсонга, чиньянья, йоруба) явно наследовало гердеровскую мысль о неразрывности языка, расы и географического местоположения. История создания швейцарскими миссионерами языка тсонга красноречиво показывает сопротивление социальной реальности этой идеологии. В настоящее время на этом языке говорят в северной и восточной Трансваале (ЮАР) и на юге Мозамбика. У жителей данного региона никогда не было социальных и языковых связей. Население составили беженцы, спасающиеся от политических и экологических потрясений, вызванных гражданскими войнами 1860-х гг. в секторе Газа. После составления словаря тсонга был приписан миссионерами жителям региона как «коренной». Естественно, что миссионеры и администрация «владели» тсонга, контролируя подведомственную территорию совместно с получившими колониальное образование африканцами. Публикация книг на этом языке обеспечивала необходимый контроль над объемом знаний африканца, который всегда был лишь читателем, но не создателем текстов [19. Р. 161].

Большинство изобретенных языков, административно приписанных населению в качестве материнских, не только не способствовало, а, скорее, препятствовало распространению грамотности. Такие языки не просто создавались с привлечением внешних языковых норм (как фиджийский язык, к примеру), но и записывались при помощи метаязыковых категорий чуждых им языков. Так, в язык йоруба попали аналитические категории английского языка. Подобная история произошла и с тагальским языком (Филиппины), чья письменность создана на базе категорий латинского языка. Африканское население впитывало европейскую эпистемологию и на уровне словарей, придававших африканским словам европейский смысл. В. Мудимбе в работе «Изобретение Африки» говорил об отсутствии африканского следа даже в самом названии континента [20. Р. 58]. Слово «Африка» впервые употребляли римляне применительно к области Северной Африки, занятой в настоящее время Ливией. Сама же идея «Африки», как и «Индии», была сугубо европейским конструктом.

Таким образом, современные подходы к многоязычию начинались с проектов калькуляции мировых языков на основе весьма приблизительных подсчетов. При этом лингвисты продолжают исповедовать идеологию сингулярности, физически размещая языковые объекты на строго ограниченных территориях. Во многом система европейской колониальной сегрегационной лингвистики породила языковое многообразие, изрядно романтизируемое в эпоху мультикультурализма. Лингвисты собственными аналитическими категориями создали «языки» наподобие физического понятия «времени», измерение которого подчиняется конвенциям естественнонаучного сообщества.

Дискуссия

Идея языков как отдельных онтологических сущностей со своей структурой, грамматикой, четкими формальными границами является важнейшей для парадигмы, которую вслед за Питером Мюльхёслером принято называть

«языковой сегрегацией». Выступая иконой либерального мышления, данная концепция лежит в основе всей модернистской языковой идеологии.

Однако уже в 1930-х гг. Б. Малиновский сформулировал «дилемму современной лингвистики» в виде вопроса: возможно ли считать язык независимым предметом изучения? Другими словами, насколько вообще соответствует лингвистическое понятие «язык» какому-либо определенному (социальному, индивидуальному, институциональному, психологическому) объекту анализа? Ведь язык – слишком многомерное явление и может пониматься: «как естественный феномен; объект науки; разновидность человеческой способности; тип системы; добровольное поведение; как нечто используемое, изучаемое, имеющее узнаваемые элементы, содержащее паттерны, сказанное, услышанное, организованное и структурированное; как произведенные и осознанные данные» [21. С. 10].

Дело в том, что сам вопрос «что такое язык?» проблематичен, поскольку язык вовлечен в нейронно-мозговую, мускульно-телесную и социальную деятельность. Если же его рассматривать не как деятельность, а как способность, лежащую в ее основе, то идентификация такой способности без обращения к деятельности весьма сомнительна.

Лингвисты прошлого столетия объявили языковую способность универсальным свойством человеческой природы, а языковую деятельность связывали с индивидуальной активностью. Однако между всеобщей способностью и индивидуальной деятельностью расположены языковые системы, разделяющие сообщества. Эти системы и есть языки. Повышенное внимание к системам позволило определить предметную область лингвистических исследований, отделив их от психологических, физиологических и социологических. В данном случае языковые системы могут изучаться без обращения к социальным контекстам, в которых используются. При этом лингвистическая теория вполне может обойтись без определения языка, ибо главным объектом ее интереса становятся языки, а не язык. Первым наиболее отчетливо эту стратегию выразил Ф. де Соссюр, отделив язык от речевой деятельности человека, а описание языковой формы – от изучения социального взаимодействия.

Главенствующую роль ортодоксальная лингвистика отводила грамматической системе, рассматривая язык как совокупность предложений, созданных на ее основе, а его носителя – как субъекта, создающего грамматически правильные высказывания. Тем не менее ряд лингвистов подвергают сомнению центральную роль языковой грамматической системы: «Естественная фиксированная структура языка отсутствует. Скорее всего, говорящие в большей степени опираются на свой предыдущий опыт общения в подобных обстоятельствах на аналогичные темы и с похожими собеседниками. Систематичность с этой точки зрения представляет собой иллюзию, созданную частичной седиментацией часто используемых форм во временные подсистемы» [22. Р. 157–158].

В соссюровской стратегии существует одна теоретическая трудность, выраженная в вопросе: в чем именно проявляется систематичность языков? В каком смысле языки являются системами? Как отмечает Р. Хэррис, «вся история лингвистической теории XX в. – это история двух взаимодополняющих, но конфликтующих ответов на этот вопрос» [23. Р. 16]. В соответствии

с одной точкой зрения, систематичность является внутренней, а в соответствии с другой – внутренняя систематичность есть следствие обширной области социальных практик, в которые вовлечен язык.

В соответствии с первым тезисом языковые знаки должны изучаться «в себе», вне контекстов использования. При этом языки как раз и могут быть отделены от языка в академических целях исследования. Противоположный тезис состоит в том, что языковые знаки включены в другие формы поведения, без которых они не могут выступать объектом изучения. Эта теоретическая дихотомия и получила название дихотомии «сегрегационизма» и «интеграционизма». Сегрегационизм абстрагируется от языкового сообщества и коммуникативных ситуаций, а интеграционизм убежден в том, что заниматься лингвистикой возможно при отсутствии представления о языковом универсуме, состоящем из множества дискретных объектов, называемых «языками».

Для интеграционизма важна языковая повседневная коммуникация. Антифундаменталистский взгляд предполагает рассмотрение языка как неотъемлемого свойства социального взаимодействия. При этом человеческий опыт постоянно структурируется необходимым осмыслением событий настоящего в свете прошедшего. Как отмечает П. Хэррис, «язык – это продукт и механизм этого процесса, поскольку благодаря ему непрерывный поток ощущений, восприятий, чувств и суждений, определяющих психологическое состояние человека, объединяется в континуум, создавая и сохраняя устойчивую структуру его убеждений и ожиданий относительно окружающего мира... Способность человека распознавать, изобретать и использовать знаки различного типа становится существенным фактором этого процесса... Язык возникает из креативного использования коммуникативного пространства живущих в нем людей» [23. Р. 19]. Таким образом, развивается подход, который прекращает рассматривать язык как априорную систему, связанную с этничностью, территорией, местом рождения и национальностью.

Интеграционизм критикует идею разделения и подсчета языков. Лингвистика не способна провести четкую границу между соседними языками, используя критерий структурного различия. Она не способна точно указать, где заканчивается один язык и начинается другой. Например, в приграничных областях между Норвегией и Швецией очень сложно сказать, где заканчивается шведский и начинается норвежский. Следовательно, подсчет языков весьма проблематичен. Наука не в силах определить, каким языком владеет индивид, а значит, не может установить количество используемых им языков. Как отмечает Моника Хеллер, «постоянное появление следов различных языков в речи билингвов противоречит ожиданиям, по которым языки будут в точности соответствовать отдельным доменам и останутся на том месте, где им и положено быть» [24. Р. 11].

Это, конечно же, не означает, что языкознание не в силах различать языки. Бесспорно, турецкий и датский – это разные языки по словарю, грамматической структуре и т.д. Однако невозможно с той же долей уверенности установить границу между стандартным языком и диалектами. Исходя из этого, конкретный язык с определенными ядерными характеристиками во многом является прототипическим. Языки можно рассматривать как письменные автономные тексты, требующие от говорящего минимальной контек-

стуальной информации. В то же время границы языка для лингвистов остаются темными и размытыми.

В последнее время высказывается мнение, что говорящие употребляют не языки, а языковые ресурсы, которые, конечно же, могут быть отнесены к конкретному языку. Говорящие опираются на языковые ресурсы, которые организуются таким образом, что приобретают смысл в определенных социальных обстоятельствах. Я. Бломмарт говорит о ресурсах как уровне анализа, полагая, что «смещение фокуса нашего внимания от „языков“ (главным образом идеологических и институциональных конструктов) к ресурсам (актуальному способу использования языка) имеет важное значение для таких понятий, как „компетенция“, „многоязычие“, „речевое сообщество“, „носитель языка“ и т.д.» [25. Р. 102].

Важно понять, что язык не расположен в головах людей и не является системой запредельной коммуникации. В этом отношении интересен анализ понятия «лингва франка английского» (*lingua franca English*) известным лингвистом С. Канагараджой, который различает английский язык как лингва франка (АЛФ) и лингво франка английский (ЛФА) на основании того, что первый признают уже существующим языком, используемым в мире большим количеством людей, в то время как ЛФА возникает из контекстов его использования: «ЛФА не существует как ситема где-то в другом месте. Он постоянно создается в каждом контексте коммуникации» [26. Р. 91]. Исходя из этого, «не имеет смысла говорить о форме, грамматике или языковой способности вне практической сферы использования. ЛФА – не продукт, находящейся в голове говорящего, а социальный процесс, который постоянно реконструируется, будучи чувствительным к факторам окружающей среды» [Ibid. Р. 94].

Еще большая волна критики касается представления о языках как о природных организмах, сравнимых с биологическими видами. Как отмечал Д. Кибби, «язык – это поведение, а не физическая характеристика. Если два языка контактируют, то они влияют друг на друга. Если лев живет там же, где птица, то у него не вырастут крылья, а у птицы – грива. Если же два языка контактируют, то образуют новый язык» [27. Р. 51]. Виды не способны скрещиваться, а языки сохраняют такую возможность всегда. Кроме того, у языков высока адаптивная способность к разнообразной окружающей среде, в отличие от большинства видов, привязанных к специфическому месту, климату, пище и т.д. Кроуфорд отмечал, что биоморфические метафоры приводят к заблуждению: «В отличие от биологических видов, у языков нет генов, а потому они лишены механизмов для естественной селекции. Перспективу их выживания определяют не какие-то внутренние особенности или способность адаптации, а исключительно социальные силы» [28. Р. 155]. При этом Сазерленд, используя сложные статистические модели сравнения биологической и языковой многообразия, заключает: «Языки находятся в большей степени под угрозой исчезновения, чем птицы и млекопитающие» [29. Р. 277]. С. Мэй утверждает, что разговоры о смерти языков как о «неизбежной части цикла языковой эволюции затемняют широкие социальные и политические факторы языковой смерти» [30. Р. 3], а также игнорируют «исторические, социальные и политические *конструкции* языков» [Ibid. Р. 4]. Кроме того, языки не исчезают наподобие видов. К примеру, иврит был возрожден из состояния практически полного забвения.

Заключение

Таким образом, понятие «язык», а также метадискурсивные режимы его описания тесно связаны с западной лингвистической идеологией. Изучение языковых идеологий показывает значимость локальных культурно обусловленных представлений о языке. Если современное понимание «языков» было изобретено и поддержано в течение всей эпохи национального строительства, то нынешние глобальные изменения предполагают обновленную форму этого конструкта.

Идеология эссенциализации и индивидуализации языков на протяжении долгого времени слишком большое значение придавала языку как коду, не принимая в расчет понимание его как социальной практики. Систематичность и замкнутость языка являются результатом идеологического процесса кодификации, осуществляемого лингвистами. Именно они решают вопрос принадлежности языковых ресурсов тому или иному языку и определяют группу говорящих, использующих его «правильную», каноническую версию, превосходя в своей компетенции остальных членов сообщества. По сути, документирование языка лингвистами есть процесс его создания. Новая социальная онтология языка должна рассматривать язык как неотъемлемое свойство социальной и политической жизни говорящих, поскольку не лингвисты, а само речевое сообщество приписывает языку определенные языковые свойства в процессе реализации своих коммуникативных целей. Необходимо учитывать вклад в язык людей – социальный, культурный, политический, индивидуально-эмоциональный.

Представление о социально-политическом конструировании языков необходимо не только для понимания их сущности, но и для изменения самого способа мышления, касающегося их. Критика модернистской языковой парадигмы необходима для того, чтобы начать процесс переосмысления бытия человека в современном мире, поскольку определение языка имеет для этого существенное значение.

Литература

1. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge : Polity Press, 1991.
2. Gal S., Irvine J.T. The Boundaries of Languages and Disciplines : How Ideologies Construct Difference // Social Research. 1995. Vol. 62 (4). P. 966–1001.
3. Bauman R., Briggs C. Voices of Modernity: Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
4. Cameron D. Language endangerment and verbal hygiene: History, morality and politics // Discourses of endangerment: Ideology and interest in the defence of languages / A. Duchêne, M. Heller (eds.). London : Continuum, 2007. P. 268–285.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. 656 с.
6. Hutton C. Linguistics and the Third Reich: Mother-tongue fascism, race and the science of language. London : Routledge, 1999.
7. Blommaert J., Leppänen S., Spotti M. Endangering Multilingualism. Dangerous Multilingualism // Northern Perspectives on Order, Purity and Normality / J. Blommaert, S. Leppänen, P. Pahta, T. Räisänen, eds. New York : Palgrave Macmillan, 2012. 330 p.
8. Milroy J. The consequences of standardisation in descriptive linguistics // Standard English: The Widening Debate / T. Bex, R. Watts, eds. London : Routledge, 1999. P. 16–39.
9. Errington J. Colonial linguistics // Annual Review of Anthropology. 2001. Vol. 30. P. 19–39.

10. *Ludden D.* Orientalist empiricism: Transformations of colonial knowledge // *Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia* / C.A. Breckenridge, P. van der Veer (eds). Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1993. P. 250–278.

11. *Ethnologue* (2005). URL: http://www.ethnologue.com/ethno_docs/introduction.asp#language_id (accessed: 19.11.2005).

12. *Pattanayak D.P.* Multilingual contexts and their ethos // *Towards a Multilingual Culture of Education* / A. Ouame (ed.). Hamburg : UNESCO Institute of Education, 2000. P. 37–47.

13. *Romaine S.* *Language in Society: an Introduction to Sociolinguistics*. Oxford : Oxford University Press, 1994.

14. *Djite P.* Correcting errors in language classification: Monolingual nuclei and multilingual satellites // *Language Problems & Language Planning*. 1993. Vol. 12 (1). P. 1–13.

15. *Mühlhäusler P.* Language planning and language ecology // *Current Issues in Language Planning*. 2000. Vol. 1 (3). P. 306–367.

16. *Heryanto A.* Then there were languages: Bahasa Indonesia was one among many // *Disinventing and reconstituting languages*. Clevedon : Multilingual Matters, 2007. P. 42–61.

17. *Samarin W.* Review of Adegbija Efurosibina: Language attitudes in Sub-Saharan Africa: a sociolinguistic overview // *Anthropological Linguistics*. 1996. Vol. 38 (2). P. 389–395.

18. *Chimhundu H.* Early missionaries and the ethnolinguistic factor during the invention of tribalism in Zimbabwe // *Journal of African History*. 1992. Vol. 33. P. 87–109.

19. *Harries P.* Discovering languages the historical origins of standard Tsonga in southern Africa // *Language and Social History* / R. Mesthrie (ed.). Cape Town ; Johannesburg, 1995. P. 154–173.

20. *Mudimbe V.Y.* *The Invention of Africa: Gnosis, Philosophy, and the Order of Knowledge*. Bloomington, IN : Indiana University Press ; Philadelphia : John Benjamins, 1988.

21. *Yngve V.* *From Grammar to Science: New Foundations for General Linguistics*. Amsterdam, 1996.

22. *Hopper P.* Emergent grammar. In *The New Psychology of Language : Cognitive and Functional Approaches to Language Structure*. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1998.

23. *Harris R.* Three models of signification // *Integrational Linguistics: a First Reader*. Oxford : Pergamon, 1998.

24. *Heller M.* Bilingualism as ideology and practice // *Bilingualism: a Social Approach* / M. Heller (ed.). London : Palgrave Macmillan, 2007. P. 1–22.

25. *Blommaert J.* *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

26. *Canagarajah S.* The ecology of global English // *International Multilingual Research Journal*. 2007. Vol. 1 (2). P. 89–100.

27. *Kibbee D.* Language policy and linguistic theory // *Languages in a globalizing world* / J. Maurais, M. Morris (eds). Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 47–57.

28. *Crawford J.* Endangered native American languages: What is to be done, and why? // *Language and politics in the United States and Canada: Myths and realities* / T. Ricento, B. Burnaby (eds). Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 1998. P. 151–166.

29. *Sutherland W.* Parallel extinction risk and global distribution of languages // *Nature*. 2003. Vol. 423. P. 276–279.

30. *May S.* *Language and minority rights: Ethnicity, nationalism and the politics of language*. Harlow : Longman, 2001.

Evgenie A. Naiman, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: enyman17@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 51. pp. 53–69.

DOI: 10.17223/1998863X/51/6

A CRITICAL ANALYSIS OF WESTERN EUROPEAN LANGUAGE IDEOLOGY (PROLEGOMES TO THE NEW SOCIAL ONTOLOGY OF LANGUAGE)

Keywords: language; languages; language features; language ideology; national building; integrationism; segregationism.

The subject of this article is a criticism of modernist language ideology, which leads to a new concept of the social ontology of language. The central theme is the rethinking of understanding languages as autonomous entities and closed systems. The author's methodology is based on the theory of

ontological constructivism and a metadiscursive approach to the description of languages as ideological constructs based on nationalist ideologies of the 18th–19th centuries. The problem of language differentiation is considered in the context of the dichotomy of segregationism and integrationism. The author adheres to integrationism, which understands language not as an a priori system associated with territory, nation and ethnic group, but as an integral property of social interaction. The objectives of the article are related to criticism of the main theses of segregationism: firstly, the idea of languages as natural organisms; secondly, the ideas of the identity of languages, nations, cultures and territories; and, thirdly, the process of naming and counting languages. The author proves that the concepts of “language” and “languages” are closely related to traditional Western linguistic, political and cultural backgrounds. If the modern understanding of “languages” was invented in the era of nation building, then the current global changes suggest a new form of this construct. A shift is taking place from “languages” to “language features”, showing the importance of everyday communication. To look at language as a practice is to view language as an activity rather than a structure, as something we do rather than a system we draw on, as a material part of social and cultural life rather than an abstract entity. Criticism of traditional linguistic ideology is necessary to rethink human being in the modern world.

References

1. Bourdieu, P. (1991) *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press.
2. Gal, S. & Irvine, J.T. (1995) The Boundaries of Languages and Disciplines: How Ideologies Construct Difference. *Social Research*. 62(4). pp. 966–1001.
3. Bauman, R. & Briggs, C. (2003) *Voices of Modernity: Language Ideologies and the Politics of Inequality*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Cameron, D. (2007) Language endangerment and verbal hygiene: History, morality and politics. In: Duchêne, A. & Heller, M. (eds) *Discourses of endangerment: Ideology and interest in the defence of languages*. London: Continuum. pp. 268–285.
5. Sapir, E. (1993) *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Translated from English. Moscow: Progress.
6. Hutton, C. (1999) *Linguistics and the Third Reich: Mother-tongue fascism, race and the science of language*. London: Routledge.
7. Blommaert, J., Leppänen, S. & Spotti, M. (2012) Endangering Multilingualism. In: Blommaert, J., Leppänen, S., Pahta, P. & Räisänen, T. (eds) *Dangerous Multilingualism. Northern Perspectives on Order, Purity and Normality*. New York: Palgrave Macmillan.
8. Milroy, J. (1999) The consequences of standardisation in descriptive linguistics. In: Bex, T. & Watts, R. (eds) *Standard English: The Widening Debate*. London: Routledge. pp. 16–39.
9. Errington, J. (2001) Colonial linguistics. *Annual Review of Anthropology*. 30. pp. 19–39. DOI: 10.1146/annurev.anthro.30.1.19.
10. Ludden, D. (1993) Orientalist empiricism: Transformations of colonial knowledge. In: Breckenridge, C.A. & van der Veer, P. (eds) *Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. pp. 250–278.
11. Ethnologue. (2005) *On WWW*. [Online] Available from: http://www.ethnologue.com/ethno_docs/introduction.asp#language_id. (Accessed: 19th November 2005).
12. Pattanayak, D.P. (2000) Multilingual contexts and their ethos. In: Ouhalla, A. (ed.) *Towards a Multilingual Culture of Education*. Hamburg: UNESCO Institute of Education. pp. 37–47.
13. Romaine, S. (1994) *Language in Society: An Introduction to Sociolinguistics*. Oxford: Oxford University Press.
14. Djite, P. (1993) Correcting errors in language classification: Monolingual nuclei and multilingual satellites. *Language Problems & Language Planning*. 12(1). pp. 1–13. DOI: 10.1075/lplp.12.1.01dji
15. Mühlhäusler, P. (2000) Language planning and language ecology. *Current Issues in Language Planning*. 1(3). pp. 306–367. DOI: 10.1080/14664200008668011
16. Heryanto, A. (2007) Then there were languages: Bahasa Indonesia was one among many. In: Makoni, S. & Pennycook, A. (ed.) *Disinventing and reconstituting languages*. Clevedon: Multilingual Matters. pp. 42–61.
17. Samarin, W. (1996) Review of Adegbija Efurosibina: Language attitudes in Sub-Saharan Africa: A sociolinguistic overview. *Anthropological Linguistics*. 38(2). pp. 389–395.
18. Chimhundu, H. (1992) Early missionaries and the ethnolinguistic factor during the invention of tribalism in Zimbabwe. *Journal of African History*. 33. pp. 87–109. DOI: 10.1017/S0021853700031868

19. Harries, P. (1995) Discovering languages the historical origins of standard Tsonga in southern Africa. In: Mesthrie, R. (ed.) *Language and Social History: Studies in South African Sociolinguistics*. Cape Town: David Philip.
20. Mudimbe, V.Y. (1988) *The Invention of Africa: Gnosis, Philosophy, and the Order of Knowledge*. Bloomington, IN: Indiana University Press. Philadelphia: John Benjamins.
21. Yngve, V. (1996) *From Grammar to Science: New Foundations for General Linguistics*. John Benjamins Publishing Company
22. Hopper, P. (1998) Emergent grammar. In: Tomasello, M. (ed.) *The New Psychology of Language : Cognitive and Functional Approaches to Language Structure*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
23. Harris, R. (1998) Three models of signification. In: Harris, R. & Wolf, G. (eds) *Integrational Linguistics: A First Reader*. Oxford: Pergamon.
24. Heller, M. (2007) Bilingualism as ideology and practice. IN: Heller, M. (ed.) *Bilingualism: A Social Approach*. London: Palgrave Macmillan. pp. 1–22.
25. Blommaert, J. (2010) *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Canagarajah, S. (2007) The ecology of global English. *International Multilingual Research Journal*. 1(2). pp. 89–100. DOI: 10.1080/15257770701495299
27. Kibbee, D. (2003) Language policy and linguistic theory. In: Maurais, J. & Morris, M. (eds) *Languages in a Globalizing World*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 47–57.
28. Crawford, J. (1998) Endangered native American languages: What is to be done, and why? In: Ricento, T. & Burnaby, B. (eds) *Language and Politics in the United States and Canada: Myths and Realities*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. pp. 151–166.
29. Sutherland, W. (2003) Parallel extinction risk and global distribution of languages. *Nature*. 423. 15th May. pp. 276–79.
30. May, S. (2001) *Language and Minority Rights: Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*. Harlow: Longman.